

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Дважды
убитый

№ 23

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Дважды убитый

«Научная книга»

Серова М. С.

Дважды убитый / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Новое дело Татьяны Ивановой – разгадка сомнительного самоубийства. Похищение, погоня, стрельба – это обыденные обстоятельства работы частного сыщика, а суть ее – в умении выстраивать звенья разрозненных фактов в прочную цепь незыблемых доказательств. Но при этом Татьяна Иванова остается очаровательной женщиной, умеющей влюблять, влюбляться и любить...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Дважды убитый

Глава 1

– Стой, сука!

Я оглянулась на бегу. Метрах в двадцати увидела своих преследователей – трех человек в масках с прорезями для глаз, вооруженных помповыми ружьями.

«Уйду, – подумала я, – и не из таких переделок выпутывалась».

Расстояние между мной и преследователями не сокращалось, сзади уже стреляли и явно не в воздух. Мы мчались по пустынным улицам Тарасова. «Почему нет прохожих?» – пронеслось у меня в голове. Солнце слепило глаза. Летом в это время в центре всегда полно народа. Интуиция подсказывала мне, что из центра нужно уходить, легче затеряться в проходных дворах, город я знаю как свои пять пальцев. Свернув на Провиантскую, почувствовала опасность, потом увидела в конце улицы еще двоих, в таких же масках, вооруженных «узи». «Врете, сволочи, все равно уйду», – подумала я. Я знала: справа впереди есть дворик, через который я смогу улизнуть от этих головорезов. Те, что стояли в конце улицы, начали не спеша, в полной уверенности, что деваться мне некуда, двигаться навстречу, расстояние сокращалось, как шагреновая кожа, но спасительный двор был уже близко. И тут, что за наваждение, прямо над собой я услышала вой авиационной бомбы; две-три секунды, и мне конец. «Вот так бесславно закончится твоя, не такая уж длинная, жизнь, частная сыщица Таня Иванова», – промелькнуло в голове. Вой не прекращался, стал ближе и страшней, но уже каким-то странным, я зажмурилась, приготовившись достойно покинуть этот несовершенный мир. Вой не прекращался, но и не приближался теперь, а замер на одной ноте.

Открыв глаза, я увидела знакомый потолок и себя, лежащую на своей антикварной кровати. Зеркало вернуло мне мое реальное отражение, выводя на свет божий из сновиденческого зазеркалья. В прихожей надрывался дверной звонок, переноса меня из мира сновидений в утреннюю реальность.

Звонок заставил меня подняться. Бросила взгляд на часы – восемь. Довольно рано для визита. Интересно, кого там черти принесли. Набросила халат, прошлепала в прихожую, открыла – на пороге дивное создание, соответствующее требованиям расхожего стереотипа: 90—60—90, натуральная блондинка, идеальный овал лица, красиво очерченный рот, большие синие глаза, и только тревога, притаившаяся в них, ставила эту ундину в один ряд с простыми смертными.

– Здравствуйте, простите, вы Татьяна Иванова?

«Здрасьте, здрасьте». Даже в такой критический момент, когда на пороге появляется заплаканная, но оттого не менее ухоженная и привлекательная женщина, я не могу отказать себе в удовольствии внутренне позубоскалить. Извинение – беззлобность, генотип Эркюля или знаменитого Мегрэ. Архаичная светскость первого и снисходительная деловитость второго не раз вызывали у меня ностальгическую улыбку, которая кончиками губ нащупывала ускользающее время. Наш век требует решительных и одиозных действий, особенно если ты ведешь опасное и независимое существование частного сыщика – на все руки от скуки. Вместо цилиндра и бабочки – полный набор чувствительных инструментов, включающий кастет, иглу со снотворным, газовый баллончик, леску-удавку, двенадцатигранники, ну, и, наконец, обычный «макаров», на который у меня имеется соответствующее разрешение, – в некоторых ситуациях о-очень действенная игрушка.

– Проходите.

– Спасибо, я пришла...

Голос дрожит, подкошенный всхлипом, переходящим в сдавленное рыдание. Чтобы закрыть эти шлюзы отчаяния и горя, я, налив в стакан воду, протянула гостье.

– Успокойтесь.

Вложив эту милостыню альтруизма в ее дрожащую руку, я отошла к окну, чтобы не смущать ее назойливым участием. Услышала, как зубы стучат о непослушный стакан. Наконец она подняла заплаканное лицо, перекошенное от стыда, в живописных черных подтеках. Так-то, не любят эти тонкие создания, покрытые истиной изысканной косметики и овеванные флером дорогого парфюма, обнажаться перед публикой. Рыдания постепенно стихли.

– Возьмите себя в руки.

– Анна Грачева.

Ее рука машинально кляпом потянулась ко рту, преграждая путь очередному приступу рыданий. Справившись с ним и нервно комкая платок, гостья с трудом выдавила:

– Мой бойфренд погиб.

– Вы считаете, что я могу быть вам полезна?

– Я столько слышала о вас...

– Тогда вы знаете, что я не занимаюсь благотворительностью и при всем сочувствии к вашему горю не могу работать бесплатно.

– Да, я знаю.

– Вам это будет стоить двести долларов в день, плюс расходы. В рублях я не беру.

– Я согласна на все, деньги не главное.

– Тогда расскажите мне коротко суть вашей проблемы, а я решу, смогу помочь или нет, – начала я сухо, понуждая гостью переключиться с эмоций, может быть, и оправданных, на изложение конкретных обстоятельств дела.

– Погиб близкий мне человек, Алексей Зайцев, – начала Грачева, – но эта гибель кажется мне весьма странной. Видите ли, – она непроизвольно понизила голос, – все говорят о самоубийстве, он взорвался в своем гараже, очень сильно обгорел... Оpozнание проводил дядя, других родственников у него нет. Потом его быстренько кремировали...

– Почему речь идет о самоубийстве, может быть, это несчастный случай?

– Так там не только взрыв... В голове у него обнаружили огнестрельное ранение, рядом нашли пистолет.

– Вы знали, что у него был пистолет?

– Если бы он у него был, Алеша сказал бы мне!

– Официальная версия гибели – самоубийство, почему вы сомневаетесь в этом? – Я пыталась скрыть раздражение. Чего она хочет? Эта богачка готова отвалить кучу денег за то, чтобы я подтвердила ее немотивированные сомнения. – У вас есть для этого какие-то основания?

– Мы знакомы с ним два года, собирались пожениться. Он любил свою работу, хотя в последнее время, как мне кажется, он что-то скрывал от меня. Я думаю, это связано с его дядей. Алеша работал у него в агентстве «Дартур» фотографом.

– А кто его дядя?

– Игорь Сергеевич Венедиктов, директор этого агентства. Недавно я заехала к Алеше на работу в конце дня, подошла к двери его студии и услышала, как они ругаются с Игорем Сергеевичем, вернее, Игорь Сергеевич кричал на Алешу, тот выскочил всклокоченный, лицо в багровых пятнах, чуть меня с ног не сбил. Никогда его таким не видела. Как я ни пыталась выяснить у него причину ссоры, он отмахивался, говорил: «производственные трения».

– Хороши трения, если они ведут к гибели человека!..

– В том-то и дело, что это не были «производственные трения». Если бы Игорь Сергеевич был недоволен работой Алеши, он бы ему устроил взбучку или просто бы его уволил.

– И вы подозреваете Венедиктова?

– Алеша всегда и со всеми поддерживал ровные отношения, и этот конфликт с Игорем Сергеевичем не был вызван погрешностями в его работе, тем более что у него не было нареканий. Я чувствую, что в этом замешан Венедиктов.

– Хорошо, я попробую разобраться. Для начала мне нужен аванс за три дня плюс накладные расходы, телефон ваш, агентства, домашний Венедиктова и адреса.

Грачева полезла в сумочку, отсчитала десять зеленых купюр, на каждой из которых красовался портрет Франклина, и положила их на столик, вырвала лист из блокнота и, записав то, что я просила, протянула его мне.

«Занятная дамочка, – подумала я, закрыв за ней дверь, – а еще занятней то, что я совсем забыла про кофе, да и в самом деле, можно ли пить этот чудесный напиток, разговаривая о сгоревших трупах?»

* * *

Конец августа для лета всегда душеспасительное послесловие, и погожий субботний вечер уже готов был преподнести свое фирменное блюдо: пронзительную идиличность *dolce far niente* (ничего неделание). Да, воздух прямо-таки неволит к лирическим отступлениям. И, что ни говори, человеку с воображением любое захолустье в эту благословенную пору покажется Провансом или Майоркой. Отдых там, на Лазурном побережье... А если взглянуть трезвым взглядом, Тарасов в это время являл собой лабиринт пыльных фасадов и стоящих в ряд вдоль тротуаров деревьев, чья листва потеряла сочный изумрудный оттенок. Скука, каменный колосс, правила этим провинциальным раем для столичных проходимцев и местной «знати». А мне вовсе не до скуки! Усилим воли заставляю себя сконцентрироваться на вчерашнем, прошлогоднем, давно прошедшем прошлом... Стой! Опять поехало...

Итак, невинный суицид – латынь даже подобному заскоку подводит вполне солидное словесное резюме. Ну, парень, жил-жил да и решил наложить на себя руки. Я на минуту остановилась, глядя в пустое пространство по-осеннему отрешенно.

Одержимость смертью! Я почувствовала, как подкатывает к самому горлу волна гадливого отвращения. Постой! А может, и твоя жизнь не что иное, как одна сплошная лихорадочная провокация на предмет судьбы, смерти и выживания. Да, осень, суицидальная осень склоняет ко зрелым, и потому малоутешительным, раздумьям. Раздумье... Слово-маятник, туда-сюда, крайние точки амплитуды: вчера-сегодня, завтра-послезавтра... Так что же тебе делать с этим несчастным недоумком, испортившим жизнь такой замечательной девушке! Всплывает образ вчерашней посетительницы.

* * *

Вечер густел, как черничный кисель, тени приобретали липкую полновесность, насыщаясь пряным ночным ароматом. Я ускорила шаг, сочтя прогулку несколько затянувшейся. Горячая ванна – это то, что сейчас меня бы устроило больше всего, да еще, пожалуй, пара таблеток аспирина. Начинало ныть и топать в висках. Надо же было так расслабиться! Ты неплохо поработала сегодня, ну, естественно, и дала себе небольшую передышку. Твой мозг, детка, и так напоминает зарвавшуюся на вираже гоночную «Феррари» в суровых условиях «Формулы-1». В юности автогонщики были моей слабостью: скорость, огромные, блестящие, точно изолирующие тебя от всех мнимых и вероятных опасностей шлемы, тела, летящие в тартарары под прессом бешеных перегрузок, и на финише усталые, потные, но счастливые лица победителей и призеров.

Я сегодня не победитель, но призер – точно. День выдался не простой, но кое-что раздобыть удалось. Странно, но Зайцев, как мне сказали в художественном училище, в котором он

учился, спокойный, уравновешенный парень, не без таланта. Сложился портрет флегматика, а они не кончают жизнь самоубийством. К тому же дядя пристроил на тепленькое местечко, где можно и мастерство показать, и прилежание, и на хлеб с маслом заработать, фотографируй себе и фотографируй – найди нужный интерьер, удачный ракурс – ножку туда, ручку сюда, голову откинуть, глаза прикрыть, томную улыбку, дорогое белье, выигрышная косметика – и все на мази. Не пыльная работенка, а тут еще влюбленная красотка (мечта поэта), родственная поддержка, женская забота, если все это не лубок, то причин для суицида не видно.

Свернув на Московскую улицу, я пошла в сторону Волги, есть там небольшой, но стильный подвальчик, где можно заказать мартини, а ванна и аспирин могут немного подождать. В прохладном полумраке бара неплохо думается... Если бы еще музыку сменить. Вот и мой коктейль. Достая из своего рюкзака анкеты, добытые в квартире Венедиктова, не спеша перебираю – девицы как на подбор – не зря мужики тащатся от тарасовских баб. Вот, например, эта. Анфас в бикини в полный рост и в три четверти крупным планом. Соколова Виктория Владимировна. Родилась в 1978 году в селе Тепловка Тарасовской области, образование среднее, рост, вес, объемы, хобби. Родственники в деревне. Остальные девушки не менее эффектные, кое у кого есть родственники в городе. Так-так, а вот это уже интересно, на обратной стороне всех без исключения анкет написано: Камаль. Скорее всего, имя, имя восточное. Восток – дело тонкое: караван-сарай, сказочные джинны, пестрые базары, муэдзины, султанские гаремы, оазисы среди пустынь... Ну ладно, оставим это этнографам, перейдем к дяде. Многого достиг в бизнесе, свое агентство с таким замысловатым названием «Дартур» в центре города, по виду процветающее, квартирка шикарная, домработница, оказавшаяся, так некстати, у Венедиктова во время моей эскапады к нему на квартиру (пришлось ее усыпить на некоторое время и забрать оригиналы анкет – не было времени делать копии), небось и дачка имеется, наверняка есть и старший партнер, как раньше называли бандитскую «крышу» – в моей картотеке Венедиктов среди криминальных авторитетов не числится.

Грачева подозревает Венедиктова, но, если у дяди легальный бизнес, чем ему мог насолить племянник?

Шумная, веселая компания, устроившаяся за соседним столиком, вынудила меня побыстрее покончить с коктейлем и выйти на свежий воздух. Уже не было такой изнуряющей жары, которая в первые летние месяцы не спадала даже ночью и осталась в моей памяти неистребимым ощущением липнущей к потному телу одежды.

Я шла по направлению к дому по почти безлюдной улице, и мой путь, как в незапамятные времена, освещался лишь тусклой луной и звездами. Природа учит нас, что у каждого явления есть своя неосвещенная сторона, и мое дело не было исключением.

– Лезь в машину и не рыпайся, тварь!

Две тени, быстро отделившись, одна – от стоящего у тротуара «БМВ», другая – от подъезда дома, ловко заломили мне руки за спину и зажали рот. Дуло уперлось между лопаток. Краем глаза я чиркнула по двери подъезда, на лету ловя искры горящих окон. Крик, вместо того чтобы прорваться наружу, вязким комом осел в гортани. Началось! Шустрые ребятки, быстро спохватились. Меня грубо втолкнули в темный «БМВ», и я оказалась на заднем сиденье между двумя безликими исполнителями. Жирный боров, сидящий рядом с водителем, всей тучной массой повернулся ко мне, и я увидела, как дрогнул лоснящийся студень его лица и расплылся в причмокивающую улыбку.

– Че, допрыгалась?

И потом, обращаясь уже к моим охранникам:

– Держите ее покрепче. Будет дергаться – приложите пушкой по башке.

Меня всегда тошнило от подобных демонстраций превосходства. Изменив своей популярной стрижке «под ноль», гопы не смогли изменить своих физиономий, и фотографию любого из них можно было наклеить на сотню паспортов.

Машина резко стартанула. «Вот тебе и гонки», – подумала я с горькой иронией. Несмотря на большую скорость, «БМВ» плавно скользил по далеко не безупречным тарасовским дорогам, показывая чудо капиталистического автомобилестроения. Улицы быстро пустели, дома приветливо светились окнами.

Там, за окнами, – тарасовцы у телевизоров, на кухнях, в спальнях. «БМВ» сжигал город, как бензин, выбрасывая его через выхлопную трубу. Вскоре я поняла, что едем на Кумыску – веселое место, где можно спокойно разобраться с непонятливыми лохами, именно в таких местах находят обезображенные трупы, отрезанные головы и гниющие тела. Какой-нибудь замшелый, спокойный, как слон, дачник...

Но если пока еще не убили, значит, им нужны от меня какие-то сведения. Они не знают моего заказчика, значит, нужно скрывать его до последнего и искать, искать способ спастись. Только бы они вывели меня из автомобиля, а там посмотрим... Впередсмотрящий опять повернулся. Его маленькие глазки нащупали мой ужас. И тут из подсознания, несмотря на мой страх, выплыл образ этого толстяка – именно его я заметила боковым зрением, выходя из подъезда, после рейда на квартиру к Венедиктову. Видимо, толстяк шел к нему и попал в квартиру через пару минут после того, как я вышла из нее. Нашел там незапертую дверь, домработницу, лежавшую без чувств на диванчике в прихожей, и вскрытый сейф в спальне.

По описанию моей внешности они и вычислили меня – среди элиты криминального мира личность моя довольно хорошо известна. А я, вместо того чтобы быть вдвойне осторожной, расслабилась.

Резкое торможение. Грунтовка, сменившая асфальт, вывела к леску. Вдалеке на горизонте – бурая панорама тесно прижавшихся друг к другу дач.

– Выходи!

Я вскрикнула от сильного толчка пистолетом в правый бок. Тот дебил, что сидел слева от меня, вылез первым, за ним я, потом второй, толстяк выбрался последним, обошел машину спереди и присоединился к двум своим «шестеркам». Водитель остался за рулем. Я стояла спиной к машине, трое полукругом, глядя на меня. Видимо, они договорились заранее, как будут действовать, потому что один из них неожиданно наотмашь ударил меня по лицу с такой силой, что если бы я не отвела вовремя голову в направлении удара, то наверняка получила бы сильнейшее сотрясение мозга.

– Полегче, Мутный, не убей раньше времени! – заорал на него толстяк и тут же другому: – Проверь ее суму, Жорик.

Жорик рванул с меня рюкзачок так, что я еле удержалась на ногах, дернул «молнию», высыпал содержимое на пожухлую траву. Чтобы рассмотреть то, что находилось в рюкзачке, ему пришлось положить пистолет рядом с собой, в левой руке он зажал фонарь. Это было его ошибкой. Мутный держал меня на мушке, толстяк своим фонариком помогал Жорику. «Это твой шанс, не упусти его», – пронеслось у меня в голове.

Правой ногой я ударила снизу вверх по запястью Мутного, выбивая у него пистолет, легко развернувшись на левой к Мутному спиной, не опуская правой ноги, что было сил всадила пятку ему в живот. Не успел он согнуться, чтобы привести в порядок свои кишки, как я той же ногой, но уже вперед нанесла удар в поднимавшуюся голову удивленного Жорика – придется ему потратиться на стоматолога. Такой прыти они от меня явно не ожидали, а зря. Успев тыльной стороной кулака захватить по носу толстяку, я бросилась на землю, где, по моим расчетам, лежал пистолет Жорика. Вот он. Еще сохранивший тепло его руки. Откатилась в сторону, пробежала, пригнувшись, несколько метров и упала за бугорок. Как раз вовремя. Автоматная очередь разрезала ночную тишину – видимо, водитель уже выскочил из машины и стрелял мне вслед.

Я лежала в своем укрытии, пот тонкой струйкой стекал между лопаток. Выстрелы прекратились, некоторое время еще были слышны стоны и ругань из стана моих врагов. Немного

посоветовавшись и скорее всего решив, что преследовать меня в такой темноте бесполезно да и небезопасно, бандиты уселись в машину и укатили в сторону города.

Полежав на травке минут пятнадцать, пошла осмотреть место, где стоял «БМВ», не оставили ли чего-нибудь мои похитители, – нет, ничего, прикинув траекторию полета выбитого у Мутного пистолета – метрах в шести от машины, пошарила – там нет, пистолет тоже забрали. Ну да ладно, несколько адресов и фамилий из тех анкет, что я взяла в сейфе Венедиктова, отпечатались в моей памяти, как на лучшей пленке «Кодак».

Кто бы мог предположить, что все закружится с такой быстротой. Я шла по грунтовке, ноги мои едва не заплетались. Облизнула пересохшие губы и почувствовала знакомый солоноватый привкус крови, тонкой струйкой стекавшей из угла рта по подбородку. До шоссе, где можно было поймать машину, я добралась минут за двадцать. Надо сказать, что еще легко отделалась, всего пара ссадин на теле и разбитая губа, вот еще правая рука побаливает. Собрись, Иванова, сейчас тебе нужно быть вдвойне, втройне внимательней.

Первая же машина, белая «копейка», которой я проголосовала, остановилась. Водитель, мужчина лет сорока, полный и с обширными залысинами, спросил, куда мне.

– В центр, – бросила я.

После всех передраг цена, которую загнул мужичок, не сильно меня расстроила. Сообразительный у нас народ, в столь критических обстоятельствах, ночь, безлюдье, нужно быть дураком, чтобы не нагреть руки. Здесь, на этой ночной дороге, он оказался монополистом и мог спокойно диктовать условия. Вид у меня был не то что испуганный, но явно неординарный: далеко не безупречная прическа, распухший рот, закапанная кровью футболка. Откинувшись на спинку заднего сиденья, я почувствовала облегчение. Если бы можно было с такой же легкостью перейти от вздыбленных эмоций к трезвым размышлениям. А поразмышлять есть над чем...

Накладочка вышла с этой домработницей. Я и предвидеть не могла, что в пятнадцать минут, пока я добиралась до квартиры Венедиктова, после того как предприняла телефонную разведку, эта пожилая женщина успеет опередить меня. Именно она и открыла дверь на мой «контрольный» звонок. Конечно, бедная женщина ни при чем, но мне-то что оставалось делать? Пришлось усыпить ее, надавив на знакомую мне точку в районе шеи. Иногда пальцы сыщиков намного чувствительней пальцев пианистов. Уложила ее здесь же в прихожей на диванчике, закрыла за собой дверь.

Ковровая дорожка, ведущая из прихожей через холл в гостиную, заглушала шаги, то что нужно. Несколько взглядов, брошенных по сторонам, позволили мне оценить роскошь обстановки и вкус Венедиктова. Мягкий свет, струящийся через шторы фиштаккового цвета, подчеркивал достоинства бархатной обивки дивана и кресел, придвинутых к камину, облицованному мрамором.

Присутствовало все, что могло радовать изощренное око разбогатевшего обывателя. Атласные обои, массивная дубовая мебель, множество дорогих безделушек. На каминной полке поблескивали перламутровым циферблатом старинные часы в позолоченном корпусе. Находясь в этом фиштакково-бронзовом интерьере, обрамленном потолочной лепниной и согретом пушистыми коврами, не хотелось ни о чем думать, кроме шампанского «Вдова Клико» во время грандиозного приема или рюмки хорошего коньяку за дружеской беседой у огня.

Здесь для меня нет ничего интересного. Установив «жучок» при помощи липучки под крышку стола, я вышла в холл. Дверь с левой стороны вела в кабинет. Где у нас сейф запрятан? Ну конечно, в стене под картиной. Сейф оказался современным, с простейшим цифровым механизмом. С таким же успехом можно хранить документы в коробке из-под печенья. Зачем только люди ставят такие сейфы? Минута, и дверца поддалась.

В сейфе, как и положено, хранились деньги, не рубли, конечно, сплошь зеленые бумажечки, но наличность меня сейчас не интересовала, не воровка же я, а вот анкеты – это то, что надо. Сунула их в рюкзачок, рассмотрим потом. Больше в сейфе ничего не было.

Оглядевшись в поисках места для установки второго «жучка», выбрала большое кожаное кресло у рабочего стола. Ну, теперь приладить еще одного «жучка» в холле, и можно сматываться, скоро проснется домработница. Я осторожно прошла мимо диванчика, на котором она спала, и прислушалась около двери – никого, вышла на площадку и не спеша спустилась по лестнице.

Одно наслаивается на другое, сначала неожиданное появление домработницы, потом заметивший меня толстяк и некоторая моя непростительная халатность, отсутствие должной реакции в момент похищения. Я никогда не сомневалась в своей индуктивной способности, и вдруг такая оплошность. Что же мы имеем на сегодняшний день? Полдюжины адресов, которые легли многообещающими семенами в глубокие борозды моей памяти, возможно, послужат мне нитью Ариадны в лабиринте толком еще не проясненной ситуации, закинутый наугад невод «жучков», характеристики на Зайцева – не густо, если учесть мою обычную скорость расследования.

А теперь еще эта головная боль: как расплатиться с водителем? Деньги-то тютю. Там же, где и анкеты. Дома-то наличность имеется, и ключ от квартиры, где деньги лежат, вот только ближе чем за два квартала подъезжать не стоит, необходимо проверить, не «пасут» ли меня люди Венедиктова, а водитель, конечно, не отважится отпустить меня на такое расстояние, посему напрашивается вывод: деньги нужно найти до приезда домой.

Даже не заглядывая в записную книжку, нетрудно решить, куда податься: к Светке. К тому же у меня к ней есть разговор, ставший особенно актуальным после разборки с братвой, ведь самой мне в агентство теперь не сунуться, придется обратиться к надежной подруге, мы не раз выручали друг друга – ведь жизнь иногда преподносит странные и опасные сюрпризы.

За окном промелькнуло здание концертна «Лукойл» с освещенным квадратиком летнего кафе перед фасадом. Кое-кто еще не находил в себе сил расстаться со вчерашним днем, засидевшись допоздна под большими зонтиками на скрипучих пластиковых стульях. Отдаленные бессвязные реплики хвостами вялых воздушных змеев впорхнули в приоткрытое окно машины и вдруг, обретя неистовую силу центробежности, унеслись прочь.

– У светофора налево, – бросила я водителю. Мы свернули на Советскую улицу.

А теперь нужно убедить его подождать меня у дома, пока я не вынесу гонорар, а с другой стороны, ему ничего не оставалось делать, как согласиться на мое предложение, – предоплаты он не потребовал.

После недолгого препирательства я уговорила его подождать минут десять. Въехав в темный двор, машина остановилась у Светкиного подъезда. Я вбежала на третий этаж и, переводя дыхание, нажала на кнопку звонка. Приготовилась ждать, но дверь открылась неожиданно быстро.

Махровый халат, полотенце, свернутое чалмой, из-под которого выбивались непослушные мокрые пряди русых волос и приятно порозовевшее лицо, не оставляли сомнений в том, что Светке удалось осуществить искушавшее меня весь вечер желание – растянуться в горячей ванне.

– Светик, выручай, – не дав ей опомниться, выпалила я, – у меня внизу машина, потом расскажу, короче, нужен полтинник до завтра, сейчас отпущу человека и поднимусь к тебе, ты спать не собираешься?

Весьма наглый и риторический вопрос, ведь все указывало на то, что она как раз хотела попасть в объятия Морфея.

– Да ты себя-то видела, – Светка испуганно смотрела на меня, – что с тобой?

– Все нормально, Свет, потом, потом расскажу. Давай деньги.

В Светке мне нравились ее расторопность и сообразительность, ее совершенно не бабская способность хотя бы на время заглушать свое неумеренное любопытство.

Зажав деньги в руке, я спустилась во двор. Водитель уже, похоже, начал терять надежду, так как, увидев меня, расплылся в блаженной улыбке. Что, есть еще честные люди в Тарасове?

Получив вожделенную сумму, мужичок быстренько ретировался, а я, уже более спокойная, поднялась к Светке. Дверь была не заперта, войдя и закрыв ее за собой, я прошла в ванную.

Ну и видок – мне всегда претила беспощадная правдивость зеркал, а уж после такой потасовки ни о какой снисходительности не могло быть и речи. Скинув грязную одежду, я встала под душ, подняв лицо навстречу жестким струям, которые больно ударили по моим распухшим губам.

Вода воскрешала меня, вслед за пылью и кровью унося мою усталость.

– Свет, ты далеко? Кинь какой-нибудь халатик! – крикнула я, приоткрыв дверь ванной комнаты.

Я опустила ноги на пушистый коврик и повернулась к зеркалу спиной. Синяк между лопаток, синяк сбоку, ладно, переживу как-нибудь – в декольте мне в ближайшее время выходить не придется.

– Держи. – Светка распахнула дверь и протянула мне халат, от комментариев по поводу синяков она воздержалась, хотя иронически присвистнула. – Давай быстрее, кофе готов.

– Ладно, ладно, шесть секунд. – Я накинула халат и прошла на кухню, где кофейник мурлыкал свою ласковую песенку, распространяя терпкий аромат, а тонкие, хрустящие ломтики хлеба готовы были выпрыгнуть из тостера.

На столе янтарем поблескивала бутылка «Дербента», нарезанные аппетитными ломтиками сыр и ветчина составляли ей достойную компанию, Светка колдовала над лимоном, нарезая его тонкими прозрачными кусочками. Уютная кухня, вид накрытого стола и дразнящие запахи снеди действовали на меня успокаивающе и в то же время провоцировали мой пустой желудок.

– Ну, рассказывай, – Светка наконец отложила нож и села на угловой диванчик рядом со мной, – что там у тебя приключилось, очередное расследование?

– Очередное, – пробурчала я, вонзая зубы в бутерброд с сочной ветчиной.

– Давай-ка сперва выпьем, – сказала Светка и налила полные рюмки, не считаясь с этикетом аристократического застолья, – ну за встречу, черт тебя возьми, ты в своем амплуа.

Минутная пауза позволила оценить бархатистую прелесть напитка, который приятно обжег рот и растекся теплом по всему телу.

– Дело в следующем...

И я, чуть приглушив голос, время-то позднее, рассказала, прибегая к максимальным обобщениям, в чем заключалась суть этого «очередного» расследования.

Прием братвы, зловещая поляна, пальба, возвращение в город – вся эта ночная одиссея в разреженном свете бра представлялась не более чем шквалом кинематографических образов Тарантино. Не обвиняя никого в конформизме и нарочитом соглашательстве, я искренне дивилась цивильно-домашнему образу жизни с неизменным рабочим ритмом и регулярными пайками дозволенных развлечений.

– Видишь ли, Свет, мне ведь помощь твоя нужна. В агентство-то я не могу, как понимаешь, пойти самостоятельно. Вычислили меня, сволочи, чтоб им неладно было. – Вот только теперь почувствовала я: можно дать выход накопившимся эмоциям.

Разрядка напряженности. Весьма актуальный слоган.

Не дожидаясь ответа, я придвинула к себе опять-таки до краев налитую рюмку. Наплевать мне сейчас на хороший тон. Когда у тебя на хвосте столь решительные и быстро соображающие ребята, светские приличия выглядят как ненужная канитель.

– Ты же знаешь, Тань, я всегда за тебя горой, только вот смогу ли в данном случае быть тебе полезной? – Светка всегда принижала свои способности.

– Боже ты мой, да если не ты, то кто же? Пойдешь в агентство, разведаешь обстановку, предложишь себя в качестве начинающей модели и все такое... Приоденешься, макияж тебе забацаем, всякие прикиды да аксессуары. Девушка ты видная, держаться умеешь, не мне тебя учить.

Я действительно всегда удивлялась тому, что Светка при ее первоклассных, что называется, данных как-то тушевалась и даже ни разу не попробовала себя в качестве модели. Высокая, стройная, длинноногая, с рельефными ключицами и идеальной линией бедер и ног, не говоря уже о породистом лице, Светка благодаря своей дьявольской природной сексапильности и профессионализму фотографа могла бы украсить любую обложку.

– Может, это для тебя шанс? – хихикнула я и почти с нежностью взглянула на подругу. Не иначе как «Дербент» играет со мной в свои беспроигрышные игры.

– Только ради тебя, да зачтется мне подобное милосердие. Когда приступим?

– Чем скорее, тем лучше. Какие у тебя планы на понедельник?

– До обеда у меня прием, пара-тройка человек, а потом я в твоём распоряжении.

– Хорошо, встретимся в два у тебя, наведем марафет по полной программе – и вперед. Остальное обсудим завтра, утро вечера мудренее.

Светка утвердительно кивнула и потянулась к бутылке.

– Ну, еще по одной?

Я и не собиралась отказываться. Три рюмки коньяку и пара чашек кофе в заключение – ничего чрезмерного тут нет. Основное преимущество третьей рюмки, помимо уже перечисленных качеств, заключалось в том, что, закусывая долькой лимона, я уже не морщилась.

– Сегодня, если ты не против, я у тебя перекантуюсь, а завтра обговорим детали предстоящей операции по «захвату» агентства. Ты уже спать хочешь, вижу, вижу, у тебя глаза слипаются, – заявила я на чуть обозначившийся протест со стороны Светы. – Как у тебя на личном фронте? Или опять скромничать будешь? Колись!

– Ничего особенного. С Андреем я не вижусь. Так, случайные встречи, ни к чему не обязывающие знакомства.

Светка, несмотря на свою отзывчивость и искренность, всегда была довольно замкнутым человеком. Конечно, иногда и ее посещали приступы откровенности, но подобные «оказии» случались довольно редко.

Допив кофе, она пошла постелить мне. Я взглянула на часы, ё-моё, скоро три, ладно, завтра воскресенье, можно выспаться. А сейчас it's time to go to bed – пора на боковую. Я не спеша встала из-за стола и направилась в гостиную.

О, мой любимый диванчик, к тебе я стремилась весь этот долгий день. Поистине, не ведаешь, где приклонить нынче голову, если ее тебе, конечно, не снесут всякие там мелкие и крупные хулиганствующие элементы. Вытянувшись под простыней, я послала последний настоящий запрос в архивы своей весьма услужливой памяти и, подводя лаконичный итог пройденным сажням, обрывая веревочный мостик, соединяющий сегодня и завтра, рухнула в спасительную бездну забытья.

Глава 2

Еще не открыв глаза, я почувствовала на своем лице не по-августовски горячую ладонь солнца. Я проснулась от этого ласкового поглаживания и чуть приподняла веки, так, чтобы свет, струящийся сквозь шторы, радугой повис на моих ресницах. Который час? Мои внутренние часы показывали семь. Сладко потянувшись, я встала и босиком по мягкому ковру подошла к окну и распахнула шторы. Каскад солнечного света закружил предметы в водовороте цветной пыли. Ослепительные блики лихорадочно скакали по паркету и прыгали на ковер, зарывались в пушистый ворс. Пронзительный щебет птиц ударял по ушным перепонкам, и этот визгливый тамтам с радостным ликованием возвещал начало дня.

На кухне – веселый звон посуды и шум закипающей в чайнике воды – последние штрихи утренней оркестровки. Значит, Светка уже встала. Поприветствовав подругу, суетящуюся у плиты, и закинув в рот кусок тоста, я уселась на табурет.

– Прикинь, Светик, собиралась сегодня поспать подольше, да не могу себя переиначить, когда занимаюсь каким-то делом, мозг работает как бы помимо меня и не дает расслабиться.

– Мне бы такой мозг, я бы столько дел наворотила. – Светка поставила на стол тарелки с омлетом. – Давай перекусим.

– У тебя еще все впереди, не забудь про понедельник. – Я встала и направилась в ванную. – Я скоро.

– Давай быстрее, все остывает.

Когда я привела себя в порядок и вернулась к столу, Светка уже почти расправилась с омлетом.

– Ну что, уточним детали. Я заеду к тебе завтра в два. Ты к этому времени прикид подбери, макияж сделай, ну, не буду тебя учить, в общем, будь готова.

– А что я должна говорить в агентстве?

– Ты узнала об агентстве из рекламы и решила попробовать свои силы. Твоя цель – понравиться, держись непринужденно, будь сама собой, понаблюдай за сотрудниками, если спросят паспорт, скажи, что принесешь потом, я не хочу, чтобы узнали твой адрес. Хорошо, если назначат пробы, к тому времени я тебе составлю компанию, мне, конечно, внешность придется изменить, но это не проблема, не будем забегать вперед. Да, еще вот что, не забудь поинтересоваться расценками и вообще перспективами. Поняла?

– Да я понятливая, вот только в новинку все это.

– Не робей, не съедят тебя там, а немного актерской практики тебе не повредит. Еще вот что, дай мне одежду, добраться до дома, лучше что-нибудь спортивное.

– Ты что, не знаешь, где у меня шкаф? Выбери сама.

Запив омлет «липтоном», я устремилась к шкафу, выдернула черные велосипедки и серую футболку с надписью на английском «Я плохая девчонка», облеклась в этот сногшибательный прикид от next generation, попрощалась со Светкой, поцеловав ее в щеку, и, легко миновав несколько маршей, выскочила на улицу. Солнце ударило в глаза, заставляя меня зажмуриться. Немногочисленные прохожие, переодетые дачниками, с рюкзаками за спиной и ведрами в руках, дружно направлялись к остановкам. Другие, более удачливые, на своих «Москвичах» и «Жигулях», оснащенных металлическими багажниками, на которых покоились мешки, грабли, лопаты, не мучая себя долгим ожиданием общественного транспорта, уже ехали к «земле обетованной».

Я завернула за угол и, дойдя до овощного магазина, сбавила темп. Интересно, трется ли кто-нибудь у подъезда? Сейчас на меня объявлена охота, но я не какая-то перепелка, которую можно убить одним выстрелом, скорее уж я претендую на роль охотничьей собаки, и если лезу

в нору, то только тогда, когда полностью уверена в своих силах. И двор мой не был барсучьей норой, а скорее заповедником, где все тропинки мне были знакомы.

Из-за угла дома, едва не расплющивая себя о серый камень стены, я осмотрела двор. Ничего подозрительного: пять-шесть машин на небольшой стоянке напротив дома и белая «девятка» у моего подъезда, в которую грузилась семья Степаниды Григорьевны. А вон и Коля, опухший от непрерывного возлияния, гремя пустой стеклотарой в пакете, вышел на поиски дружбанов, с которыми можно опохмелиться.

Сдержанно кивнув на радостное Колино приветствие и почтительно поздоровавшись со Степанидой Григорьевной, я вошла в подъезд. Скорее всего меня пока оставили в покое. Надолго ли? Чутко прислушиваясь к малейшему шороху и не заметив ничего подозрительного, я поднялась, подошла к двери и обследовала ее поверхность. Вообще-то мою дверь открыть практически невозможно. Сделанная по спецзаказу фирмой «Кайзер» и оснащенная сейфовыми замками повышенной секретности, моя дверь могла бы украсить подземное хранилище швейцарского банка. Никаких следов.

Войдя в квартиру и тщательно закрыв за собой дверь, я направилась к столу, где была установлена аппаратура для записи. Влетела она мне в копейку! Перемотав пленку, я нажала кнопку воспроизведения. Кое-что есть. Из динамиков раздался звонок, шаги, и глухой мужской голос спросил: «Кто там?» – «Свои, Игорь Сергеич». Звук открываемой двери, скрип обуви вошедшего и невыразительный голос Игоря Сергеевича:

– Проходите, Леонид Максимович.

Стоп. Леонид Максимович. Что-то знакомое. Уж не Горюнов ли это? И здесь мой знакомец по некоторым другим делам свой куш имеет. Так, послушаем дальше. Приглушенные коврами шаги, звон хрусталя.

– Вам как обычно – виски?

– Да, плесни немного.

– Вы сегодня без охраны?

– А кого мне бояться, я уже свое отбоялся. Пусть парни в машине посидят, они и так день и ночь со мной. Я ведь вот что заехал, ты говоришь, завтра Камаль приезжает, как думаешь с ним объясняться? Если он тебе не заплатит, я с тебя все равно возьму. Ты хоть головой о стену бейся, а мое отдай.

Легкое покашливание говорило о замешательстве Игоря Сергеевича, растягивая слова, он произнес:

– Все нормально, Леонид Максимович, но моей-то вины здесь нет. Люди вроде надежные, просто случайность.

– Ты, Игорь Сергеевич, должен всю цепочку проследить и знать, что, где и как. А может, ты пожалел сунуть кому надо?

– Да вы что, Леонид Максимович, – на этот раз голос звучал почти испуганно, – неужто я не понимаю, где-то сэкономишь, потом потеряешь в несколько раз больше.

– Ну ладно, это твои проблемы. Ты с Камалем где встречаешься?

– У меня на даче, в восемь. Прямо из аэропорта и отправимся, он прилетает из Москвы вечерним рейсом. Там уже все будет готово: и стол, и банька, и девочки.

– Я тоже подтянусь к восьми. Представишь меня как своего компаньона.

– Да вам-то зачем, Леонид Максимович, неужто у вас дел поважнее нет?

– Ничего, Игорь Сергеевич, посижу, послушаю, что-то слишком много случайностей у тебя в последнее время, может, чего вместе придумаем. За этой сыщицей, кстати, что была у тебя на квартире, целая команда гоняется. Ну, я думаю, больше она тебя не будет беспокоить. Ты мне лучше скажи, какого черта ты документы дома держал? Это тоже случайно?

Многие хотели, чтобы я их не беспокоила, но беспокойство, которое я им причиняла, объясняется не моей навязчивой натурой, а интересами заказчиков. Забавно слушать о себе в третьем лице, а еще забавней, когда о тебе говорят как о покойнице, такое ощущение, что присутствуешь на собственных похоронах. Многие желали моей смерти, но большинство из них сами кормят червей, я даже мысли не допускаю, чтобы души этих людей обитали в заоблачных высях Эмпирея. Заискивающий голос Венедиктова продолжал:

– Кто же мог подумать, Леонид Максимович?

– Так ты и должен был подумать, если не хочешь, чтобы другие за тебя думали. Так они тогда за тебя и получать будут. – Голос Леонида Максимовича заключал в себе скрытую угрозу и предупреждение. – Налей-ка мне еще.

Снова послышался звон стекла, бульканье заполняющей стакан жидкости. Я нажала клавишу «стоп», что-то захотелось пить. Я пошла на кухню и, достав из холодильника полдюжины апельсинов, приготовила себе восхитительный натуральный сок. Держа стакан в руке, я вернулась в гостиную и снова включила магнитофон.

– Не беспокойтесь, Леонид Максимович, это временное явление, сами понимаете, бизнес рискованный.

Что еще можно ожидать от Венедиктова, кроме расшаркивания перед главарем преступной группировки. В том, что это Горюнов, у меня не оставалось никаких сомнений. Его имя было хорошо известно криминальному миру и тарасовской милиции – он контролировал предпринимателей центральной части города, кроме того, почти вся торговля «левой» водкой приносила ему огромные барыши.

После недолгого молчания собеседники распрощались, и дверь за Горюновым тяжело затворилась, оставляя Венедиктова со своими, я думаю, невеселыми мыслями.

Больше на пленке ничего существенного не было. Выключив магнитофон, я допила сок и переделалась. Растянувшись на диване, я пыталась связать концы с концами. Из услышанного следовало: какой-то Камаль (опять Камаль) прилетает сегодня вечером, Венедиктов его встречает и везет к себе на дачу, Горюнов тоже будет там, к явному неудовольствию Венедиктова. Хорошо бы узнать, что они собираются обсуждать и что за рискованный бизнес у Венедиктова. Ясно также, что Горюнов опекает Венедиктова и опека эта весьма сурова. Связь Венедиктова с Горюновым говорит о том, что агентство занимается нелегальным бизнесом либо является удобной ширмой для такового, и, возможно, Грачева была в чем-то права, подозревая Венедиктова.

Смежив веки, я еще немного полежала, собираясь с мыслями. Настало время обратиться к моим двенадцатигранникам, они всегда выручали меня в трудные минуты, когда я стояла на распутье или перед выбором. Эти кости с цифрами от 1 до 36 на каждой из граней могли дать ответ практически на любой вопрос, так как арифметические комбинации, выпадающие на них, предоставляли возможность для тысячевариантного истолкования. К счастью, у меня было несколько комплектов костей, один из которых остался у бандитов. Было бы очень интересно взглянуть на их озадаченные физиономии, когда они среди моих вещей обнаружили подобные эзотерические предметы. *Profani procul ite, hic locus sacer est*¹. Я достала комплект костей из ящика письменного стола и метнула их: 20 + 25 + 9 – «Продумайте каждый свой шаг, чтобы не коснулось вас какое-либо несчастье». Ну, это мне и так известно, хотя благодарю за предупреждение. Я сформулировала вопрос более четко: «Не съездить ли мне на дачу Венедиктова?» Снова метнула кости: 31 + 10 + 20 – «Хоть ваше намерение и опасно, оно не так уж плохо». Значит, решено: нужно ехать, машину возьму у Светки, она сегодня дома. Набрала ее номер, после нескольких длинных гудков услышала в трубке знакомый голос: «Алло».

– Света, это я, соскучилась? Не одолжишь ли мне свою машину до завтра?

¹ Идите прочь непосвященные, здесь свято место (*лат.*).

- Бери, сегодня я дома. Когда зайдешь?
- Если все будет нормально, забегу в течение часа, о'кей?
- О'кей, о'кей, сыщица.

Я набрала телефон Грачевой. Та сняла трубку.

- Слушаю вас.
- Добрый день. Это Иванова. Нужно кое-что обсудить, где бы мы могли встретиться?
- Можно у меня. Что-нибудь случилось?
- Пока еще не знаю, поговорим при встрече. Вас устроит, если я заеду через часок? –

Тут я услышала настойчивый звонок в дверь.

– Хорошо, – ответила Грачева, и я положила трубку.

Кто бы это мог быть? Я тихо подошла к двери и посмотрела в «глазок». В его линзе не было никакого намека на чье-либо присутствие.

Вдруг окуляр «глазка» померк, заслоненный тенью какого-то предмета, и, опережая мысль, интуиция заставила мое тело резко отпрянуть в сторону. Разворотив «глазок», пуля застряла в противоположной стене. Сердце бешено колотилось в груди, затаив дыхание, я лежала на полу, прислушиваясь к шуму за дверью. До меня донесся топот сбегавших по лестнице людей. Я метнулась к окну и, слегка раздвинув две полоски жалюзи, посмотрела вниз.

Оставляя черные следы на асфальте, темно-серый «БМВ» сорвался с места и, едва не зацепив женщину с коляской, исчез за углом. Разглядеть номер мне не удалось. Старые знакомые. Даже днем не оставляют меня без внимания. Не зря кости предупреждали меня. А соседи либо вконец утратили слух, либо настолько привыкли к посторонним шумам у моей двери, что не соизволили даже поинтересоваться, что за звуки исходят с лестничной площадки? С одной стороны, их неизлечимый отит мне на руку, так как позволит избежать ненужных расспросов, но, с другой стороны, меня неприятно поражает их непроницаемое спокойствие в тех случаях, когда лично им или их имуществу не грозит никакая опасность.

Я убрала осколки выбитого «глазка» и принялась осторожно выковыривать пулю из стены при помощи отвертки, так же тщательно и не форсируя события, как археолог производит раскопки уникального скифского захоронения. Положив пулю в целлофановый пакетик, на случай экспертизы, и залепив отверстие в двери скотчем, я натянула джинсы с топом и, прихватив легкий пиджак, покинула свое жилище, соблюдая все меры предосторожности.

В пиджаке было жарковато, но он скрывал от посторонних глаз мой пистолет в наплечной кобуре. В сумке покоился обычный реквизит частного сыщика.

Я благополучно добралась до Светки и, забрав у нее ключи, села в машину и направилась к Грачевой.

Взглянула на часы, черт, времени в обрез, Грачева, наверное, уже заждалась, непредвиденный визит горюновских хлопцев выбил меня из графика. С обстоятельствами приходится считаться.

Грачева жила на набережной в одной из «сталинок», которые в совдеповские времена представлялись массовому сознанию образцом фешенебельности и лоска. После укатанных солнцем мостовых приятно было оказаться в тихом, прохладном дворике, где вечный запах плесени и жареной картошки вызывал ностальгию по тому времени, когда я, еще подростком, играла с приятелями в казаки-разбойники. Хлопнув дверцей, я поднялась на третий этаж. Дверь квартиры Грачевой имела внушительный вид и своей надежностью выгодно отличалась от дверей соседей. Я позвонила.

- Кто там?
- Иванова.

Лязгнула, по крайней мере, пара замков, прежде чем в проеме я увидела стройный силуэт Грачевой, она была в атласном домашнем кимоно, пояс подчеркивал ее талию.

– Я уж думала, вы не придете, – слегка взволнованным голосом сказала Грачева, однако я сразу же заметила, что она далеко не в тех растрепанных чувствах, в каких я увидела ее в первый раз. Или горе стало утихать, или первый ее визит грешил излишней аффектацией.

Пройдя широким длинным коридором, стены которого были украшены картинами известных тарасовских художников и декоративными керамическими тарелками, я попала в большую комнату с высоким потолком, с которого свисала массивная люстра. Хрустальные подвески, подхваченные воздушной струей из форточки, тонко звеня, напевали почти что «Ах, мой милый Августин...».

Эта люстра вызвала во мне некоторое недоумение, так как соседствовала с мебелью, выдержанной в стиле авангардистских новшеств. Решительные, прямые контуры стола со стеклянной столешницей на тонких металлических ножках в окружении ярко-красного дивана и таких же кресел, винтообразный настольный светильник с галогенной лампой, белые стеллажи с книгами в пестрых обложках – весь этот интерьер с претензией на поп-артовскую асимметричность добавлял к облику хозяйки черты сухой угловатости. Эта комната, отлакированная «евроремонтом», представляла собой странную смесь борделя и медицинского кабинета. Грачева вошла с пластиковым подносом в руках, на котором красовались кофейник, сахарница и пара чашек из цветного французского стекла. Поставив поднос на столик и устроившись в кресле напротив, она вопросительно взглянула на меня.

– Что вы знаете об агентстве Венедиктова? – Я положила сахар в чашку и в упор посмотрела на Грачеву, почти физически ощущая ее внутреннее напряжение.

– «Дартур» начинался как туристическое агентство около пяти лет назад. – Анна достала из пачки тонкую коричневую сигарету и прикурила от дорогой зажигалки, ее длинные пальцы немного дрожали. – Затем прибавился еще модельный бизнес.

– А как модельный бизнес состыковывается с туризмом?

– Девушкам, прошедшим конкурсный отбор, предоставляется работа за границей.

– Вам известно, в каких странах работают девушки?

– Я что-то слышала про Париж, Гамбург, Варшаву, Будапешт.

– А насчет Турции вы ничего не слышали?

– Агентство сотрудничает со многими подобными агентствами в различных странах, может быть, среди них есть и Турция. – Пепел упал на стол, Анна смахнула его рукой в пепельницу и затушила сигарету.

– Венедиктов работает там с самого начала?

– По-моему, да, но точно я не знаю.

– А сколько времени там работал Зайцев?

При упоминании Зайцева Грачева побледнела и, слегка вздрогнув, упавшим голосом произнесла:

– Два года.

Она нервно поежилась, и я откровенно испугалась за ее душевное равновесие, но у меня было еще несколько вопросов. И я продолжила:

– Помните, вы мне говорили, что конфликт Зайцева с Венедиктовым не был вызван профессиональными трениями?

– Конечно, помню.

– А чем, по-вашему, мог быть вызван подобный конфликт? – Сделав последний глоток, я поставила пустую чашку на стол.

– Я же вам говорила, что точно ничего не знаю, – произнесла она с плохо скрытым раздражением.

Я видела, что Грачева что-то утаивает. Мотивируется ли это ее страхом перед кем-то или перед чем-то или она имеет свой расчет, замалчивая важные подробности?

– А вы знаете, что меня дважды пытались убить с тех пор, как я взялась за это дело, последний раз не более двух часов назад, и если вам что-то известно, то вы тоже подвергаетесь опасности. – Я не теряла надежду вызвать ее на откровенность. Грачева приподняла свои красивые брови и приоткрыла рот, все лицо ее выражало неподдельное удивление и испуг.

– Боже мой. – Она поднесла ладонь к губам, а другой рукой снова потянулась за сигаретой.

– Вы что-то знаете и скрываете от меня. – Я была неумолима.

– Зачем мне скрывать, вы же работаете на меня? Ведь это я вас наняла для того, чтобы найти убийцу.

Она резко поднялась, всем своим видом давая понять, что разговор окончен. Широко раскрытые глаза, плотно сжатые губы были еще одной картиной, призванной проиллюстрировать таинственное содержание книги под названием «Анна Грачева». Может, она еще на дверь мне укажет? Как бы спохватившись, Анна повернулась ко мне и, переходя на более мягкий тон, сказала:

– Я бы хотела знать, что вам удалось выяснить?

Она меня что, за идиотку держит? Загоняет в какой-то порочный круг, на меня охотятся уже второй день, а она демонстрирует свое уязвленное самолюбие взбешенной богачки. Я могу понять: горе, отчаяние, просьба о помощи, но подобные заскоки сейчас неуместны.

Стараясь не сорваться на язвительный комментарий, я как можно более спокойным тоном ответила:

– Вы получите недельный отчет в пятницу, а теперь мне пора идти. До свидания. – Минув коридор, я с чувством облегчения закрыла за собой дверь.

Глава 3

Нужно признаться, что визит к Грачевой немного выбил меня из колеи. Трудно иметь дело с такой взбалмошной заказчицей. Она к тому же тормозит расследование, явно скрывая от меня детали, связанные с убийством Зайцева. Действительно ли это убийство произошло в результате его излишней осведомленности? Я все меньше и меньше верила в официальную версию самоубийства.

Ладно, оставим пока Грачеву в покое, может быть, обстоятельства подтолкнут ее к откровенности, а если этого не произойдет, я найду способ вытащить из нее необходимую информацию. Несмотря на аналитический склад ума, я привыкла доверять своей интуиции, и она подсказывала мне, что сам ход расследования подведет Грачеву к необходимости открыться.

Если у тебя убивают возлюбленного и ты хочешь докопаться до истоков, ты должна пойти ва-банк и не бояться запачкать рук, а уж если поручаешь ведение дела, столь важного для тебя, профессионалу, нужно по крайней мере не чинить ему препятствий.

Я решила проверить ближайший адрес, повернула ключ в замке зажигания и плавно тронулась с места.

Не прошло и десяти минут, как я припарковала машину возле серой невзрачной «хрущобы». У подъезда мирно сплетничали старушки. Взобралась на пятый этаж. Обитая потертым дерматином дверь боязливо приоткрылась на мой звонок. В узком проеме – настороженное лицо пожилой женщины.

– Вам кого? – Маленькие глазки женщины испуганно забегали.

– Оля Кузнецова здесь живет? Мне нужно ей кое-что передать. – Я постаралась придать своему голосу мягкость пуховой перины.

– Ее нет, она в отъезде, а вы, собственно, кто?

– Я ее знакомая, можно мне войти?

Женщина за дверью засуетилась, лязгнула дверной цепочкой и посторонилась, пропуская меня внутрь. Я остановилась в маленьком коридорчике, не рискуя самостоятельно продвигаться в глубь квартиры. В так называемой прихожей было трудно повернуться. Обои «под кирпич», трюмо, полка для обуви, пара обувных ложек на крючке, деревянная вешалка. С милостивого разрешения хозяйки я прошла следом за ней в комнату и села на предложенный стул.

– Меня зовут Таня Иванова, а как мне к вам обращаться?

– Нина Михайловна.

– Нина Михайловна, а когда вернется Ольга?

– С тех пор как она уехала, я не получила от нее ни одного письма.

Я обвела комнату взглядом: ничем не примечательный интерьер, дешевые бледно-зеленые обои в цветочек, сервант, несколько книжных полок, ковер на одной из стен, стол с четырьмя стульями, пара кресел и диван с деревянными подлокотниками.

– Она уехала в начале февраля, говорила, будет писать, присылать деньги, ей обещали хорошую работу. Может быть, вы что-то знаете? – Она подняла на меня глаза, в которых мелькнула тень смутной надежды.

– Нет, Нина Михайловна, я сама хотела бы навести справки об Ольге. Вы не знаете, куда она уехала?

– В Италию, в Милан. Ей так сказали. Сейчас посмотрю, как называется тамошнее агентство. – Она прошла в смежную комнату и несколько минут спустя появилась с целлофановым пакетиком, перетянутым резинкой, где были аккуратно сложены какие-то документы в обшарпанных обложках, пожелтевшие справки с загнутыми углами, несколько официальных фото, на которых лица людей приобретают напряженно-испуганное выражение, и, выудив листок в

клетку, типичным жестом страдающих близорукостью поднесла его к глазам, а затем протянула мне. – Посмотрите сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.